

УДК 94(47)084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/11

«ЗА РОССИЮ И ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО СЛАВЯНСТВА»: ОФИЦИАЛЬНАЯ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛОЙ СИБИРИ О ФОРМИРОВАНИИ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ КАРПАТОРУССКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ*

Д.Н. Шевелев¹, К.А. Конев²

Томский государственный университет
Россия, 634650, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: Konev-k-92@rambler.ru

Авторское резюме

Статья посвящена участию русинов в гражданской войне на востоке России. Цель исследования – на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходившей с лета 1918 до конца 1919 г., выявить особенности информационно-пропагандистской кампании, сопровождавшей формирование карпаторусских воинских частей в Сибири. Общая цель – воссоединение всех русских земель и возрождение Российского государства – объединила правительство адмирала А.В. Колчака и Центральный Карпаторусский совет. Основным инструментом воздействия на уроженцев Прикарпатья, размещавшихся в колониях беженцев и лагерях военнопленных, стала газета «Карпаторусское слово», активно пропагандировавшая идею единства русского и карпаторусского народов, живым воплощением которой должны были стать добровольческие подразделения русинов в составе русской армии адмирала А.В. Колчака. Сформировавшийся в среде карпатороссов-русофилов рассказ о «единой неделимой Руси» («нарратив воссоединения») летом 1919 г. был встроен в официальный дискурс колчаковского режима и стал идейной основой призыва на военную службу всех уроженцев Прикарпатской Руси

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ (№ НУ 8.1.44.2015 С).

в возрасте от 18 до 43 лет. Четко выраженную мобилизующую направленность имели публичные церемониальные мероприятия (день памяти М.Т. Сандовича, «День карпаторусса», полковой праздник 1-го Карпаторусского стрелкового полка, освящение полкового знамени), широко освещавшиеся официальной прессой. Авторы приходят к заключению, что, несмотря на массивное, по меркам Сибири того времени, информационно-идеологическое сопровождение, мобилизационная кампания лета–осени 1919 г. оказалась малоэффективной. Сформированные в результате этой кампании воинские части уже не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, карпаторуссы (русины), российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный карпаторусский совет, А.В. Копыстьянский, 1-й Карпаторусский стрелковый полк, политический нарратив.

“FOR RUSSIA AND FOR THE SLAVDOM”: THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENTAL PRESS OF THE WHITE SIBERIA ON THE FORMATION OF CARPATHO-RUSSIAN MILITARY UNITS ON ITS TERRITORY*

D.N. Shevelev¹, K.A. Konev²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: Konev-k-92@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the participation of Rusyns in the Civil War in the East of Russia. The purpose of the research is to educe the peculiarities of advocacy campaign accompanied the formation of Carpatho-Russian military units in Siberia, on the basis of the official and pro-Government periodicals published since the summer of 1918 until the end of 1919. The overall goal – the reunification of all the Russian lands and the revival of Russian State – joined the Government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council. The main leverage to the natives of Ciscarpathian located in the colonies of refugees and prison camps became the newspaper "Carpatho-Russian Word" that actively

---

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program (№ НУ 8.1.44.2015 С).

promote the idea of unity of Russian and Carpatho-Russian peoples, the living embodiment of this had to be the volunteer units of Rusyns within the Russian army of Admiral A.V. Kolchak. The story about "Single Indivisible Russia" ("narrative of reunification") formed among the Carpatho-Russian-Russophiles was integrated into the official discourse of Kolchak regime in the summer of 1919 and it became the ideological basis of conscription of all natives of Ciscarpathian Rus in age from 18 to 43 years. Public ceremonial events (Remembrance Day of M.T. Sandovich, the "Day of Carpatho-Russian", regimental holiday of the 1st Carpatho-Russian rifle regiment, consecration of regimental color), widely publicized by the official press, had well-defined mobilizing orientation. The authors come to the conclusion that, despite the massive (by the standards of Siberia of that time) information-ideological support, the mobilization campaign of the summer and autumn of 1919 proved to be ineffective. Units formed as a result of this campaign could not reverse the course of tactical activities on the eastern front of the Civil War.

Keywords: Civil War, Siberia, Carpatho-Russian (Rusyns), the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, the Central Carpatho-Russian Council, A.V. Kopystyansky, 1st Carpatho-Russian rifle regiment, political narrative.

Летом – осенью 1919 г. ситуация на Восточном фронте складывается не в пользу антибольшевистских сил. «Положение наше очень тяжелое, – записал в своем дневнике 1 октября председатель Совета министров Омского правительства П.В. Вологодский, – тем более, что и на фронте с Красной армией у нас не только нет успехов, но мы терпим явные неудачи» (Вологодский 2006: 199). С середины октября 1919 г. части русской армии адмирала А.В. Колчака стали стремительно отступать на восток.

Уже летом 1919 г. сам факт военных поражений было сложно скрывать от населения. В текстах официальных заявлений стали проскальзывать фразы об «отходе» (Правительственный вестник 1) или даже «глубоком отходе» «доблестных войск сибирского фронта... под напором превосходных сил большевиков» (Великая Русь 1919). Вести о неудачах на фронте самым удручающим образом влияли на население Сибири. Так, в обзоре корреспонденции, направленной начальником Главного военного цензурно-контрольного бюро в штаб Верховного главнокомандующего 10 июля 1919 г., отмечалось: «Продолжающийся отход наших войск сильно отражается на настроении всех классов населения, и с ужасом начинают поговаривать о перспективе возможного возвращения большевиков. Неудачи преувеличиваются, ползут самые невероятные слухи, усталые нервы реагируют на каждый нелепый и часто провокационный слух» (ГАРФ 3: 281–282). К концу лета ситуация для Омского правительства становится еще бо-

лее угрожающей. «Настроение населения в последние дни может быть охарактеризовано словами: паника и растерянность, – указывалось в докладе, составленном на основе сообщений с мест, обзоров периодической печати и перлюстрированной корреспонденции. – Паника охватила не только прифронтную полосу, но и глубокий тыл. Уныние, растерянность и страх овладели как крестьянским населением, так и интеллигенцией, так и представителями власти» (РГВА).

В такой сложной обстановке российское правительство адмирала А.В. Колчака стремится заручиться массовой поддержкой. 26 июля 1919 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано обращение Верховного правителя к населению «свободной от гнета комиссаров России». «Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины, – говорилось в воззвании, – вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честолюбия. Очнитесь же от смятения и паники и вы, трусливо пытающиеся укрыться бегством от большевиков» (Правительственный вестник 1). 29 июля последовал новый призыв, адресованный на этот раз целевой аудитории – крестьянам и солдатам. «Поднимайтесь же все крестьяне, которых вели на защиту родины и к победе Пожарский, Суворов и Кутузов, горожане, рабочие и купцы, которых в смутное время поднял Минин... Все поднимайтесь! Все вперед!» (Русская армия 3). В конце августа российское правительство вновь обратилось к населению с еще более эмоциональным воззванием: «Каждый, способный носить оружие, должен встать в ряды нашей доблестной армии; все же остальное население, в тесном единении с властью, должно неослабным трудом самоотверженно содействовать ее боевой работе... Подымись же, Сибирь, на свою защиту... К оружию, граждане!» (Правительственный вестник 4).

Таким образом, неудачи на фронте вынуждали военное и политическое руководство востока России к поиску новых источников людских ресурсов, свежей силы, способной остановить продвижение Красной армии. Среди различных слоев населения и социальных групп – беженцев, сибирских казаков и горожан, на которых рассчитывало Омское правительство «во всенародном деле борьбы с большевиками и освобождения России» (Надежда России 1919), выделялась относительно небольшая группа русинов (карпатороссов), волею судьбы оказавшаяся на востоке России.

Цель данной работы – на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходявшей с лета 1918 до конца 1919 г., выявить особенности пропагандистской кампании, сопровождавшей формирование карпаторусских воинских частей в Сибири. Основной упор при этом был сделан на анализе наиболее значимых практик самоидентификации и саморепрезентации

карпатороссов-русофилов, игравших ключевую роль в информационно-идеологическом сопровождении призыва на военную службу уроженцев Прикарпатской Руси, выстраивании единого дискурсивного пространства с осведомительными учреждениями Российского правительства адмирала А.В. Колчака.

Авторы полагают, что в период гражданской войны одним из ключевых элементов утверждения новых политических режимов являлась конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства, противостояние идей, понятий, ценностей и образов, формирующих и конституирующих на постимперском пространстве новые «воображаемые сообщества». В условиях разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции обществу были необходимы новая система символических кодов, новая система позиционирования себя в мире, новые формы дискурсивной самоидентификации, а в ситуации социального раскола и начавшейся гражданской войны – и новые способы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Доминирующие позиции в многомерном поле идеологического производства на востоке России занимали, с одной стороны, осведомительные учреждения Омского правительства, с другой – официальная и проправительственная печать, являвшаяся в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. Летом – осенью 1919 г. в конкурентную борьбу за гегемонию в дискурсивном пространстве оказались втянуты карпатороссы, оказавшиеся в итоге заложниками сконструированного официальной пропагандой ложного образа.

К осени 1918 г. в восточных районах России – в Поволжье, на Урале, в Западной и Центральной Сибири – находилось несколько десятков тысяч карпатороссов (русинов) – уроженцев Прикарпатья. В Россию их вели два пути – беженство и плен (Суляк 2006: 51–53; Баринов, Стрелков 2012: 118). С началом гражданской войны в России карпатороссы оказались втянуты в вооруженное противостояние между большевиками и их противниками.

В Сибири организация особой воинской части из уроженцев Прикарпатской Руси началась летом 1918 г., вскоре после утверждения на ее территории власти Временного Сибирского правительства. «С падением интернационалистического засилья в Сибири, – писало «Карпаторусское слово», – когда начала создаваться опора новой России, молодая армия, карпатороссы приступили к формированию добровольческого отряда для защиты и освобождения карпаторусских земель и присоединения их к России» (Карпаторусское слово

9). Сама идея создания Карпаторусского добровольческого отряда родилась в среде беженцев-колонистов Омска. Во главе отряда находился Временный комитет.

5–6 октября 1918 г. в Челябинске состоялся съезд представителей карпаторусских колоний Пермской губернии, Западной и Центральной Сибири (Нам, Наумова 2014), участники которого «признали необходимым с оружием в руках встать на защиту Прикарпатской Руси, России и всего славянства и, таким образом, добиться долгожданной свободы». В качестве «главнейшего средства к достижению национальных целей» председательствовавший на съезде А.В. Копыстьянский назвал Карпаторусский добровольческий отряд. С докладом о его формировании выступил В.В. Шемердяк, отметивший «редкое воодушевление и сознательное отношение к долгу воина-гражданина, царящие среди добровольцев» (Карпаторусское слово 16).

Съезд организационно оформил создание Карпаторусской центральной организации (КЦО), принял ее устав. КЦО, говорилось в нем, ставит своей целью с оружием в руках добиться освобождения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией, а также «защиту как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпаторуссов» (Карпаторусское слово 17). «Съезд, – отмечалось в резолюции, – считает первейшей своей задачей создать Карпаторусский добровольческий отряд и поэтому обращается ко всем землякам, способным носить оружие, с горячим призывом немедленно вступать в ряды Карпаторусского добровольческого отряда и с оружием в руках встать на защиту единой и неделимой Руси» (Карпаторусское слово 16).

В заключительный день работы съезда был сформирован руководящий орган КЦО – Центральный карпаторусский совет (ЦКС), обладавший «самыми широкими полномочиями во всех направлениях его деятельности». С избранием ЦКС к нему перешли и функции омского Временного комитета Карпаторусского добровольческого отряда. Военный отдел Центрального карпаторусского совета возглавил капитан Н.Н. Лозинский.

16 октября 1918 г. между ЦКС и Чехословацким национальным советом (ЧНС) была заключена военная конвенция, в соответствии с которой Карпаторусский добровольческий отряд в оперативном отношении был подчинен командованию Чехословацкого корпуса. Кроме того, ЧНС взял на себя расходы по финансированию отряда. До начала февраля 1919 г. на эти цели им было передано Центральному карпаторусскому совету 110 тыс. руб. (ГАРФ 2: 28).

В ноябре 1918 г. Центральный Карпаторусский совет обратился с воззванием ко всем уроженцам Прикарпатской Руси. «Земляки! – говорилось в обращении. – Немедленно вступайте в ряды карпаторусских войск, формируемых при чехословацкой армии в Омске. Еще одно усилие, и наша Родина будет вырвана из-под чужеземного ига и заживет свободной, счастливой жизнью. Да не будет в нашей среде ни одного столь подлого, который преспокойно сидел бы в своей норе или гнил в лагерях в тот момент, когда решается судьба всей России и с ней нашей Родины – Прикарпатской Руси. Прочь уныние и отчаяние! Все к оружию!» (Карпаторусское слово 3). С целью привлечения добровольцев ЦКС организовал агитационно-вербовочный отдел. «При формировании воинских отрядов приходилось преодолевать много затруднений, не было ни обмундирования, ни опытных инструкторов, но благодаря бодрому настроению среди добровольцев удалось перенести эти тяжелые моменты и формирование отряда развивалось успешно» (Карпаторусское слово 5).

К концу января 1919 г. в составе 1-го Карпаторусского батальона насчитывалось 1 024 человека, в том числе 1 офицер, 3 военных врача и 1 003 добровольца. В связи с острой нехваткой офицеров на командные должности временно были допущены 17 бывших офицеров вооруженных сил Австро-Венгрии из числа военнопленных. Все подразделения батальона были расквартированы в Омске и его пригороде. В самом Омске находились сборный пункт, учебная команда и караульная рота. В Ново-Омске и на станции Куломзино располагалась запасная часть, которая несла там гарнизонную службу (ГАРФ 2: 28–29). Командовал батальоном капитан Н.Н. Лозинский.

1 февраля 1919 г. представитель Чехословацкой республики в России Б. Павлу заявил, что его правительство больше не может финансировать постоянно увеличивающийся Карпаторусский добровольческий отряд. В связи с этим Центральный Карпаторусский совет обратился к военному министру российского правительства генерал-майору Н.А. Степанову, с просьбой о включении отряда в состав русской армии. ЦКС предлагал продолжить дальнейшее формирование Карпаторусского добровольческого отряда при одном из корпусов колчаковских войск «как отдельной боевой единицы при всех родах оружия» и с «подчинением верховному русскому командованию». При этом сама организация отряда должна была осуществляться военным отделом ЦКС, обладавшим «исключительным правом принимать и исключать добровольцев», но «под руководством, наблюдением и при содействии русских властей». Все

расходы по «содержанию и снабжению карпаторусских воинских частей, а также по агитации и вербовке добровольцев» принимало на себя Военное министерство российского правительства (ГАРФ 2: 29). «Карпаторусские войска вошли в ряды возрожденной русской армии, – сообщало в начале апреля 1919 г. «Карпаторусское слово». – В жизни русской нации свершился великий исторический факт, идейное значение которого в настоящий момент не может не быть учтено. В продолжение веков оторванная от национального целого Прикарпатская Русь ныне, в момент строительства нового русского государства, стоит в рядах своих державно русских братьев!» (Карпаторусское слово 7).

Новым импульсом для мобилизационной кампании находившихся в Сибири русинов послужил II Карпаторусский съезд, который прошел в Омске в середине апреля 1919 г. Делегаты съезда постановили «продолжить формирование войск на добровольческих началах, но, учитывая положение Родины, принципиально решить о принудительной мобилизации всех уроженцев Прикарпатской Руси». При этом решение о времени проведения мобилизации, определение возрастов и категорий подлежащих призыву лиц были переданы на усмотрение ЦКС (Карпаторусское слово 6).

11 августа на страницах «Карпаторусского слова» было опубликовано новое воззвание Центрального Карпаторусского совета ко всем уроженцам Прикарпатской Руси. «Сыны Галича, – говорилось в нем. – Неужели в тот момент, когда на защиту Руси встают славные казаки и крестьяне, когда издали доходят до нас стоны и плач наших родных, когда повсюду наши идейные люди. И в Италии, и Южной России, и Сибири давно встали в ряды карпаторусских войск, неужели еще в этот момент мы будем сидеть спокойно? <...> На основании постановления II Карпаторусского съезда и возвания Карпаторусского комитета в Париже, мы призываем всех уроженцев Прикарпатской Руси... с 18–40-летнего возраста, без различия партий и занимаемого положения, в ряды карпаторусских войск. Все к оружию! С нами бог и великий русский народ» (рис. 1) (Карпаторусское слово 4). 22 августа 1919 г. последовало решение российского правительства, которое, «идя навстречу единодушному желанию украино-русин... в его стремлении выступить с оружием в руках для беспощадной борьбы с большевиками», постановило «допустить призыв на военную службу всех карпаторуссов... в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от Советской власти» (Правительственный вестник 3).

Рис. 1. Иллюстрация из газеты «Карпаторусское слово» (июнь 1919 г.)

Основой информационно-идеологического сопровождения мобилизационной кампании русинов в Сибири, ключевыми практиками репрезентации являлись транслируемые и воспроизводимые прессой официального направления взаимосвязанные политические нарративы о «единой неделимой Руси», «справедливой освободительной борьбе» и «великой войне» (Шевелев 2014; Шевелев, Конев 2015). Первый из них – «нарратив воссоединения» – был базовым. В его основу была заложена идея единства русского народа, объединенного в одно государство в «пределах единой, великой, могучей России». Сформировавшийся изначально в среде карпатороссов-русофилов рассказ о «единой неделимой Руси» летом 1919 г. оказался встроен в официальный дискурс колчаковского режима и рассеян по множеству медийных текстов самых различных жанров (Шевелев, Конев 2014). Все эти тексты были объединены ключевой темой, последовательностью изложенных в них событий, единой историей – поучительным рассказом о «бесконечных страданиях и мучениях» оторванных от России и лишенных своей государственности русинов, «закаленных в вековой борьбе за русские идеалы». Именно эта общая история объединяла и связывала разрозненные тексты в один нарратив, единое свертхтекстовое повествование. В самом общем виде фабула этого повествования представлена в опубликованном в однодневной газете «День карпаторусса» стихотворении известного сибирского поэта Г.А. Вяткина:

Воины древнего Галича,
 Русской живой старины!
 Все мы – родные и верные
 Дети единой страны.
 Чуете? Враг приближается...
 Слышите топот коней?
 Мы, что за волю боролись,
 Мы ли забудем о ней?
 Воины древнего Галича!
 Русь подъяремная ждет.
 Сбросим оковы последние,
 Ринемся дружно вперед (День карпаторусса 1919).

Используя ставшую классической актантную модель А. Греймаса (Греймас 2004: 261), можно представить структуру «нарратива воссоединения», определить основных акторов и схему взаимодействий между ними (рис. 2).

Рис. 2. Структура нарратива о «единой неделимой Руси»

В качестве главного *субъекта*-героя этого повествования выступает руководящий центр карпаторусского национального движения на востоке России – Центральный Карпаторусский совет во главе с бывшим гимназическим преподавателем истории и географии из Галиции А.В. Копыстьянским, действия которого направлены на *объект* – «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией».

Отправителем (адресантом) в нарративе о «единой неделимой Руси» является некая трансцендентная сила – высшая историческая справедливость, которая должна вознаградить *получателя* (адресата) – карпатороссов (русинов) «в течение шести веков беззаветно

боровшихся за веру и народность русскую и свою преданность русской идее, запечатлевших потоками крови своих лучших сынов». В качестве же реального воплощения высшей исторической справедливости для русинов, «дающего возможность верить в близость осуществления национальных целей», рассматривалась Версальская мирная конференция. «Вековые страдания нашего народа, – отмечала газета «Карпаторусское слово», – великая искупительная жертва, принесенная им на алтарь верности идее в нынешнюю войну, незаметные подвиги наших соплеменников, сражавшихся в разных союзнических армиях против центральных империй – все это не может пропасть даром». *Помощник* героя в достижении заветной цели – «собиратель земли русской» и «продолжатель дела Ивана Калиты» адмирал А.В. Колчак и возглавляемое им правительство (Приветственные послания 2012: 370, 494). Роль основного *противника* играли Центральные империи – «тевтоно-мадьяры, исконные враги России и всего славянства», которые действовали руками своих марионеток – украинских сепаратистов, «кучки фанатиков, стремящихся навязать массам гибельный для них же уклон в сторону отделения от России», и предателей-большевиков, виновных в том, что «нашу милую Галичину и Буковину ныне заняли наши вековые враги и уже собираются наложить оковы на наш народ».

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы потери и обретения «единой неделимой Руси». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетов с хорошо заметным библейским подтекстом (рис. 3).

«*Потерянный рай*». Прикарпатская Русь – это «заброшенная, забытая колыбель русского племени», край, «откуда пошла есть русская земля». Много веков назад на этой территории располагалось сильное Галицкое княжество, виднейшими правителями которого были Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславич и Даниил Романович. «Когда Прикарпатская Русь имела свою политическую независимость, она славилась своим богатством и благосостоянием своих жителей, своими богатствами она вызывала удивление даже у народов Западной Европы: польские же летописцы говорили, что наша Родина это “медом и молоком текущая страна”» (Карпаторусское слово 11).

«*Голгофа*». «Внутренние распри и междоусобицы» стали причиной упадка Галицкого княжества, территория которого оказалась под владычеством Польши.

Рис. 3. Сюжет нарратива о «единой неделимой Руси»

«С переходом под чужеземное иго Прикарпатская Русь обнищала в высшей степени. Насильники сначала отняли у нашего народа земли, потом начали гонения на всех, кто держался русской веры. Ради земных благ бояре скоро оставили свой народ и перешли на сторону противника; только сельское духовенство, мещане и крестьяне сохранили русский язык и русскую веру» (Карпаторусское слово 11). Со временем «хитрого ляха» сменил «злой мадьяр». «Тех, кто называл себя русским, австро-венгерское правительство преследовало всякими способами. наших крестьян десятками расстреливали жандармы во время парламентских и сеймовых выборов и забастовок; тех, кто старался просветить народ и пробудить его к защите своих прав и идеалов, обвиняли в государственной измене и держали в тюрьме целыми годами» (Карпаторусское слово 11). Особенно жестоким гонениям русины подверглись во время Первой мировой войны: «Чтобы не допустить изъявления естественных симпатий населения Прикарпатской Руси к родным русским братьям, австрийские власти с самого начала войны ввели в стране беспощадный террор. Десятки тысяч русских галичан, буковинцев и угрорусов арестовано и увезено в далекие австрийские тюрьмы, где они ежедневно сотнями умирали от холода, голода и эпидемий... 30 тыс. карпаторуссов повешено и расстреляно за исповедуемую ими русскую идею» (Карпаторусское слово 18).

«Обретенный рай». За несколько столетий Прикарпатская Русь принесла достаточную искупительную жертву на «алтарь свободы и непоколебимой верности идее единства русского народа», чтобы она была по достоинству оценена «общественным мнением союзных наций и России», и «после многовекового порабощения засияла заря свободы над древним Галичем – составной частью единого Русского

государства». «Будет ли нам легче жить в пределах России, чем нам жилось под властью Австрии? – вопрошал «Катехизис добровольца-карпаторосса». – Без сомнения. Если вся Россия с ее обширными землями, ее неизмеримыми естественными богатствами будет для нас открыта, нам всем станет легче дышать» (Карпаторусское слово 11).

Важную роль в солидаризации российского антибольшевистского и карпаторусского национального движения играло конструирование общего, консолидирующего поля идентичности для двух субобщностей (казаков и карпатороссов) русского народа (рис. 4).

«Казак: Вот время на Руси пошло, под стяг наш общий привело.

Карпаторосс: Да ладно. Чай, так уж было суждено под чужеземною пятою мне жить в разлуке вековой, страдать под крышею чужой.

Казак: Сердца нас русские соединили, что может быть сильнее этой силы?» (Карпаторусское слово 1).

Второе воззвание Центрального Карпаторусского совета ко всем уроженцам Прикарпатской Руси совпало по времени, как писали сибирские газеты, с «небывалым подъемом, необычайным единением казацких станиц». С 7 по 13 августа 1919 г. в Омске проходил 5-й Чрезвычайный круг Сибирского казачьего войска, на который прибыло свыше 160 делегатов от 180 станиц. В первый же день работы круг постановил «вручить всю полноту власти в войске, всю войсковую силу нашу, наши жизни достояние» войсковому атаману, генерал-майору П.П. Иванову-Ринову (Русская армия 2). Делегаты решили призвать и отправить на фронт всех казаков в возрасте от 18 до 45 лет. Всех мобилизованных, по замыслу П.П. Иванова-Ринова, предполагалось направить на комплектование отдельного конного корпуса. При этом часть пеших (пластунских) батальонов командование корпуса планировало сформировать из карпатороссов (Шулдяков 2004: 380–381).

Таким образом, формирование колчаковской пропагандой спланивавшего сибирских казаков и карпатороссов идентификационного поля происходило в контексте решения конкретной политической задачи.

10 августа на торжественном заседании круга с поздравлениями в адрес собравшихся выступил председатель ЦКС А.В. Копыстьянский. Центральный Карпаторусский совет и участники 5-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска обменялись приветствиями. «В настоящее время, когда вследствие "непротivления злу" большевик-колдун готовится предать огню и грабежам свободную Сибирь, – указывалось в телеграмме "представителям доблестного сибирского казачества, в грозный час испытаний собравшимся с непреклонной

волей отстаивать свободу и честь Русской земли", – лишь твердый голос казачества может образумить всех малодушных и указать на то, что только в самопожертвовании и твердости духа – спасение Родины» (Правительственный вестник 2). В свою очередь казачий круг обратился к «братьям карпатороссам», «мученикам исторической несправедливости» с воззванием. «Долговечные рабские австро-венгерские оковы, – говорилось в нем, – не сломили вашей энергии бороться до конца за свое освобождение и вы, почуяв смертельную опасность для нашей общей матери – России, решительно заявили, что пойдете вместе с нами в кровавый бой, за нашу общую свободу... Ваш братский порыв трогает нас, казаков, исконных борцов за Отчизну и волю народную» (Русская армия 1).

Весѣда казака съ карпаторуссомъ.

Рис. 4. Иллюстрация из газеты «Карпаторусское слово» (август 1919 г.)

Представленные в прессе материалы позволяют выделить ключевые опорные точки, на которых выстраивалась объединяющая сибирских казаков и карпатороссов идентичность:

- общая цель: совместная борьба «за нашу и вашу свободу» и общий враг – «интернациональная банда большевиков»;
- единые православная вера, язык и культура;
- общие исторические корни и традиции: «Русские галичане неоднократно брали меч в свои руки для защиты своей свободы. Они

уходили тысячами в далекие степи и первые дали почин к образованию славного русского казачества»;

– общие герои: Северин Наливайко и Петр Конашевич-Сагайдачный, атаманы Запорожской сечи и выходцы из Прикарпатья. Последний – «один из самых могучих казацких гетманов» - поставил «высокую цель борьбы за поруганную православную веру и свободу всего русского народа»;

– родственные субнациональные черты: патриотизм и свободолюбие.

В итоге, как писал в статье «Казацкая традиция в Прикарпатской Руси» А.В. Копыстьянский, «соединение казачьих войск с карпаторусскими отрядами в настоящее время вполне естественно», поскольку «одних и других воодушевляет общий лозунг борьбы за веру, отчизну и народ» (Иртыш 1919).

Четко выраженную мобилизующую направленность имела серия взаимосвязанных публичных церемониальных мероприятий, главными действующими лицами которых выступали карпатороссы:

6 сентября 1919 г. – День памяти (пятая годовщина) «мученической кончины народного героя, ревнителя православной веры и неутомимого борца за национальную идею» православного священника М.Т. Сандовича, расстрелянного без суда и следствия австрийцами во дворе тюрьмы города Горлице.

12 сентября – День карпаторосса, проведенный по инициативе акмолинского отделения Всероссийского национального союза и ставший, как писала выпущенная по этому случаю одноименная однодневная газета, ответом русского общества «на тот патриотический порыв, с которым карпатороссы идут на борьбу с большевиками».

21 сентября – полковой праздник 1-го Карпаторусского стрелкового полка.

11–12 октября – прибавка к древку и вручение знамени 1-му Карпаторусскому стрелковому полку.

Все эти церемониальные мероприятия прошли в Омске, широко освещались «государственно мыслящей» прессой и, с точки зрения налаживания пропагандистской коммуникации, решали несколько задач. Это:

- внутренняя консолидация карпаторусской общности;
- репрезентация карпаторусской общности в городском сообществе Сибири;
- включение исторического нарратива русинов в официальный дискурс колчаковского режима;
- поддержание и укрепление единения карпаторусского наци-

онального и российского антибольшевистского движений, Русской армии адмирала А.В. Колчака и сформированных из уроженцев Прикарпатья воинских частей, русского народа и русинов;

– включение формируемых и транслируемых пропагандой образов в мир повседневности.

В целом военные, гражданские и религиозные церемонии наглядно демонстрировали сибирякам боевой дух воинов-карпатороссов, их решимость сражаться за единство России:

Они идут, они идут

Стальными грозными рядами...

Руси святой не продадут –

Умрут, но верными сынами! (Карпаторусское слово 10).

Подведем итоги. Мобилизационная кампания лета–осени 1919 г., составной частью которой был призыв на военную службу всех уроженцев Прикарпатской Руси в возрасте от 18 до 43 лет, сопровождалась массивной, по меркам Сибири того времени, информационно-идеологической кампанией. Благодаря совместным усилиям пропагандистского аппарата российского правительства адмирала А.В. Колчака и печатного органа Центрального Карпаторусского совета формируется вполне определенный образ «доблестных сынов Галича» как немногочисленного, но сплоченного сообщества «граждан, достойных русского имени», «общенародного фронта, спаянного едиными задачами и стремлениями» (Карпаторусское слово 13). Этот конструируемый пропагандой образ обладал четко выраженными характеристиками и интенциями.

Во-первых, шесть веков чужеземного гнета, вначале «хитрых польских панов», а затем «австро-мадьярских палачей», русины Прикарпатья сохраняли русский язык и русскую веру, были горячими приверженцами «идеи единства русского народа». Именно «идея русского единения, национального самосознания» являлась духовной основой, на которой «зиждилась сила карпатороссов в их вековой борьбе за общерусские национальные святыни» (Карпаторусское слово 12). В трудных условиях они не раз демонстрировали готовность к самопожертвованию ради великой и социально значимой цели.

Во-вторых, «мученики исторической несправедливости», карпатороссы, своей «многовековой искупительной жертвой», своей непрекращавшейся борьбой за «веру и народность русскую» на деле доказали верность России и «свою преданность русской идее запечатлели потоками крови своих лучших сынов». Постоянные отсылки к болезненному историческому опыту Прикарпатской Руси исключали саму возможность сомнения в правильности выбора

русофилов и подчеркивали изменническую сущность украинских «самостийников».

В-третьих, «многовековое тевтоно-мадьярское иго» дало карпатороссам ценный опыт, привело к осознанию губительности политической обособленности от России, пониманию всей значимости единства нации и суверенной государственности: «Единое русское государство может существовать только при соблюдении единства русской нации. Раскол в среде русской нации может нанести непоправимый ущерб России и славянству». Как отмечало «Карпаторусское слово», «тяжелый урок подневольной жизни не пропал для нас даром» (Карпаторусское слово 2).

В-четвертых, захват большевиками власти и Брестский мир наглядно показали, что усвоенный русинами урок население России проигнорировало: «С тревогой и глубокой сердечной болью замечали мы тогда, как мало интересуется русских людей судьба своего народа, своего государства, как мало было веры и сознания, как отсутствовал тот цемент воли и чувство национального достоинства, без которых не может существовать нация, а без этой последней – государство» (Карпаторусское слово 14). Взаимная же беда сблизила русский народ и русинов Прикарпатья. «Русское общество, перешагнувшее через свою собственную тень, нашло, наконец, развязку своего трагического положения. Оно поняло, что никакие псевдопрогрессивные затеи не спасут Россию, а спасение возможно исключительно путем глубокого национального сознания, воссоздания души русского народа, проникновения в свои национальные святыни» (Карпаторусское слово 12). В таких условиях карпатороссы могли подать пример сплочения и стойкости в борьбе за национальное освобождение всему русскому народу.

В-пятых, надежды русинов на Версальскую мирную конференцию не оправдались: «В течение нескольких месяцев мы устремляли наши взоры в сторону сильных мира сего. Мы верили глубоко, что наш голос будет выслушан в Париже. Мы ошиблись. Мы горько разочаровались. До наших ушей в Сибири уже доходит издали страшный звук оков, бесцеремонно налагаемых врагами на наш народ» (Карпаторусское слово 8).

В-шестых, в ситуации, когда «русский великан по неумолимому приговору судьбы лежит беспомощно, весь израненный и истерзанный, а младшие его братья (молодые славянские государства Польша, Чехословакия и Югославия. – Д.Ш., К.К.) бодро и радостно вступают в жизнь», только «одна триединая Прикарпатская Русь живет жизнью России и хочет бесповоротно связать свою судьбу с ее судьбой» (Карпаторусское слово 15).

В культивировании такого пропагандистского образа, формировании воинских подразделений из уроженцев Прикарпатья и включении их в состав русской армии адмирала А.В. Колчака были заинтересованы обе стороны. Действовавший на востоке России Центральный Карпаторусский совет стремился:

- возглавить процесс национального освобождения русинов из-под власти Австро-Венгрии, их объединения и воссоединения с Россией;
- играть роль единственного руководящего центра всех карпаторусов Сибири;
- обеспечить за собой признание (со стороны Омского правительства) исключительного права быть единственным легитимным выразителем воли карпаторусского народа.

Для него создание карпаторусских воинских частей являлось вкладом в общее дело «освобождения России от большевизма», и той силой, которая позволила бы в будущем освободить Прикарпатье и включить его в состав Российского государства. Для размещенных в концентрационных лагерях карпаторусов-военнопленных поступление в отряд давало возможность покинуть концентрационные лагеря.

В свою очередь Омское правительство было заинтересовано в поддержке влиятельной общественной организации, которая могла бы стать опорой российской власти на новой территории, в получении в свое распоряжение свежей и обладающей высокими моральными качествами военной силы, а также в дополнительном аргументе в пользу воссоединения Прикарпатья с Россией для союзников. В целом же карпаторусские полки в составе колчаковской армии не на словах, а на деле доказывали единство двух народов.

Однако реальная жизнь оказалась очень далека от реальности пропагандистской, той картины мира, которую формировала и назойливо навязывала официальная и проправительственная печать колчаковского режима. «Если судить по некоторым письмам, – указывалось в докладе начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро подполковника Н.К. Павловского от 5 августа 1919 г., – формирование карпаторусских полков происходило в условиях более чем ненормальных. Для подтверждения этого привожу выдержку из письма бывшего военнопленного, солдата 8-го Карпаторусского полка: "Как нас забрали из Тюкалинска и как приехали в Омск, тогда нас брали из вагонов по 10 человек и записывали, кто хочет поступить добровольно, а кто не хотел записываться добровольно, того морозили, гоняли и били прикладами"» (ГАРФ 1: 92). Другое свидетельство на этот счет оставил военный министр Омского правительства, генерал А.П. Будберг. «Бедных карпаторусов, – писал он в своем знаменитом дневнике, – стали хватать с помощью облав (Иванов-Ринов по

этой части дока); благодаря этому Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и неприхотливые карпатороссы специализировались по черному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска, и в риновские сети попала только часть». Данная мера вызвала «страшное озлобление среди них». Мобилизованные карпатороссы были собраны на станции Куломзино, рядом с бараками, в которых помещались семьи ижевских рабочих. Старики-ижевцы сообщали А.П. Будбергу, что «озлобленные карпатороссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправят их домой» (Будберг 1924: 299).

В итоге отправка новых слабообученных и малонадежных частей на фронт оказалась малоэффективной. 1-й Карпаторусский стрелковый полк, так же как и другие созданные в это время формирования Белой армии (Сибирский казачий корпус, дружины Святого креста и Зеленого знамени) в конечном счете уже не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны. К тому же многочисленные просчеты военных властей в ходе проведения мобилизации сводили на нет весь пропагандистский эффект данного мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

Будберг 1924 - Дневник барона А. Будберга. 1919 год // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 254–345, 299–300.

Великая Русь 1919 - К населению Сибири // Великая Русь. Иркутск, 1919. 28 нояб.

Вологодский 2006 - *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное изд-во П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Доклад начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро штаба Верховного главнокомандующего от 5 августа 1919 г.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Докладная записка Центрального Карпаторусского совета военному министру Российского правительства.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1. Доклад начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро штаба Верховного главнокомандующего от 10 июля 1919 г.

Греймас 2004 - *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 368 с.

Иртыш 1919 - Копыстьянский А.В. Казацкая традиция в Прикарпатской Руси // Иртыш. Омск, 1919. 2 сент.

День карпаторусса 1919 - Воины древнего Галича // День карпаторусса. Омск, 1919. 12 сент.

Карпаторусское слово 1 - Беседа казака с карпатороссом // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 25 авг.

Карпаторусское слово 2 - В единении – сила // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 1 окт.

Карпаторусское слово 3 - Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 4 - Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 11 авг.

Карпаторусское слово 5 - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 мая.

Карпаторусское слово 6 - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 25 мая.

Карпаторусское слово 7 - Единство русского фронта // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 апр.

Карпаторусское слово 8 - За что и почему? // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 6 сент.

Карпаторусское слово 9 - Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 10 - Карпатороссам // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 23 окт.

Карпаторусское слово 11 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 3 (4)

Карпаторусское слово 12 - Праздник русского единения // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 20 апр.

Карпаторусское слово 13 - Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 апр.

Карпаторусское слово 14 - Россия и Карпатская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 15 - Россия и славянство // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 20 апр.

Карпаторусское слово 16 - Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 17 - Устав Карпаторусской центральной организации // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 18 - Участие Прикарпатской Руси в нынешней войне // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 2 (3).

Надежда России 1919 - Отпор // Надежда России. Новониколаевск, 1919. 28 авг.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166.

Правительственный вестник 1 - К населению России // Правительственный вестник. Омск, 1919. 26 июля.

Правительственный вестник 2 - Казачий круг // Правительственный вестник. Омск, 1919. 12 авг.

Правительственный вестник 3 - О призыве карпатороссов // Правительственный вестник. Омск, 1919. 28 авг.

Правительственный вестник 4 - От российского правительства // Правительственный вестник. Омск, 1919. 28 авг.

Приветственные послания 2012 - Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. докл. / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

РГВА - Российский государственный военный архив. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Отношение общества к правительству.

Русская армия 1 - Братья карпатороссы! // Русская армия. Омск, 1919. 16 авг.

Русская армия 2 - Резолюция 5-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска по докладу войскового атамана, генерал-майора Иванова-Ринова // Русская армия. Омск, 1919. 9 авг.

Русская армия 3 - Солдаты и крестьяне! // Русская армия. Омск, 1919. 3 авг.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Шевелев 2014 - *Шевелев Д.Н.* «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 348–353.

Шевелев, Конев 2014 - *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181.

Шевелев, Конев 2015 - *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Нарратив о «Великой войне» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Политический дискурс в парадигме научных исследований. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 190–200.

Шулдяков 2004 - *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. Кн. 1. 748 с.

REFERENCES

Barinov I. & Strelkov I. (2012) A.V.Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny, 1918-1920 gg. [A.V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War]. *Rusin*. 3 (29). pp. 116-126.

Budberg, A. (1924) Dnevnik barona A. Budberga. 1919 god [Diary of Baron A. Budberg. 1919]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 15. Berlin. pp. 254-345, pp. 299-300.

Anon. (1919) K naseleniyu Sibiri [For the population of Siberia]. *Velikaya Rus'*. 28th November.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918-1925 gg.)* [In the power and exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918-1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919) *Doklad nachal'nika Glavnogo voennogo tsenzurno-kontrol'nogo byuro shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego ot 5 avgusta 1919 g.* [Report of the Chief of the military censorship and control bureau Supreme Headquarters. 5 August, 1919]. Fund R-147. List 8. File 5.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Dokladnaya zapiska Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta voennomu ministru Rossiyskogo pravitel'stva* [A report of the Central Carpatho-Russian Council to the Minister of War of the Russian government]. Fund R-200. List 1. File 357.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919a) *Doklad nachal'nika Glavnogo voennogo tsenzurno-kontrol'nogo byuro shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego ot 10 iyulya 1919 g.* [Report of the Chief of the military censorship and control bureau of the Supreme Headquarters, 10 July, 1919]. Fund R-5793. List 1. File 1g.

Greimas, A.-J. (2004) *Strukturnaya semantika: Poisk metoda* [Structural semantics: An attempt to find a method]. Translated from French by L. Zimina. Moscow: Akademicheskii proekt.

Kopystyanskiy, A.V. (n.d.) Kazatskaya traditsiya v Prikarpat'skoy Rusi [Cossack traditions in the Carpathian Rus]. *Irtysk*. September 2nd.

Den' karpatorussa. (1919) Voiny drevnego Galicha [Warriors of Ancient Galic]. September 12th.

Karpatorusskoe slovo. (1919) Beseda kazaka s karpatorossom [The talk between a Cossack and a Carpatho-Russian]. August 25th.

Karpatorusskoe slovo. (1919a) V edinenii – sila [The union is the power]. October 1st.

Karpatorusskoe slovo. (1918) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi [All natives of Carpathian Rus']. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919b) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi [All

natives of Carpathian Rus']. August 11th.

Karpatorusskoe slovo. (1919c) Vtoroy karpatorusskiy s"ezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council]. May 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1919d) Vtoroy karpatorusskiy s"ezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council]. May 25th.

Karpatorusskoe slovo. (1919e) Edinstvo russkogo fronta [The unity of the Russian front]. April 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1919f) Za chto i pochemu? [For what and why?]. September 6th.

Karpatorusskoe slovo. (1919g) Karpatorossam [To Carpatho-Russians]. October 23th.

Karpatorusskoe slovo. (1919h) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorussa [The catechism of the Carpatho-Russian volunteer]. January 18th.

Karpatorusskoe slovo. (1919i) Prazdnik russkogo edineniya [The holiday of the Russian unity]. April 20th.

Karpatorusskoe slovo. (1919j) Prikarpat'skaya Rus' na mirnoy konferentsii [Carpathian Rus' at the peace conference]. April 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1918a) Rossiya i Karpat'skaya Rus' [Russia and Carpathian Rus]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919k) Rossiya i slavyanstvo [Russian and Slavic]. April 20th.

Karpatorusskoe slovo. (1918b) S"ezd delegatov karpatorusskikh koloniy v Chelyabinske [Congress delegates Carpatho-Russian colonies in Chelyabinsk]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1918c) Ustav Karpatorusskoy tsentral'noy organizatsii [Charter of the Carpatho-Russian Central organization]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919l) Uchastie Prikarpat'skoy Rusi v nyneshney voyne [Participation of Carpathian Rus in the current war]. January 10th.

Nadezhda Rossii (1919) Otpor [Repulse]. August 28th.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) S"ezdy karpatorossov v Sibiri v gody grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.) [The Congresses of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War (1918–1919).] *Rusin.* 3 (37). pp. 152-166.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) K naseleniyu Rossii [For the population of Russia]. July 26th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919a) Kazachiy krug [The Cossack council]. August 12th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919b) O prizyve karpatorossov [About of the military conscription of the Carpatho-Russians]. August 28th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919c) Ot Rossiyskogo pravitel'stva [From the Russian government]. August 28th.

Zhuravlev, V.V. (2012) *Privetstvennye poslaniya Verkhovnomu Pravitelyu i Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.* [Welcome messages to the Supreme Ruler and Supreme

Commander Admiral A.V. Kolchak. November 1918–November 1919]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press.

The Russian State Military Archive (RGVA). *Otnoshenie obshchestva k pravitel'stvu* [The attitude of society to the government]. Fund 39499. List 1. File 160.

Russkaya armiya. (1919) Brat'ya karpatorossy! [Brothers Carpatho-Russians!]. August 16th.

Russkaya armiya. (1919a) Rezolyutsiya 5-go Chrezvychaynogo kruga Sibirskogo kazach'ego voyska po dokladu voyskovogo atamana, general-mayora Ivanova-Rinova [Resolution of the 5th Extraordinary range of the Siberian Cossack Army on the report of the ataman Major General Ivanov-Rinow]. August 9th.

Russkaya armiya. (1919b) Soldaty i krest'yane! [Soldiers and peasants!]. August 3rd.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [Rusyns in the First World War and the Russian Troubles]. *Rusin.* 1 (3). pp. 46-65.

Shevelev, D.N. (2014) "My ispytali gor'koe udovletvorenienie nashey obshchey pobedy": tema i obrazy "Velikoy voyny" v ofitsial'noy i propravitel'stvennoy periodicheskoy pechati beylo Sibiri (iyun' 1918 – dekabr' 1919 gg.) ["We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory": the Theme and Images of the 'Great War' in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919)]. *Bylye gody. Russian Historical Journal.* 33(3). pp. 348-353.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) Tema "Velikoy voyny" vo vzaimootnosheniyakh Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka i Tsentral'nogo karpatorusskogo soveta (1918–1919 gg.) [The theme of the "Great War" in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919)]. *Rusin.* 3 (37). pp. 167-181.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) Narrativ o "Velikoy voyne" i formirovanie obraza soyuznikov v ofitsial'noy i propravitel'stvennoy periodicheskoy pechati beylo Sibiri (iyun' 1918 – dekabr' 1919 gg.) [The narrative of the "Great War" and the formation of the image of the allies in the official and pro-government periodicals of the white Siberia (June 1918 – December 1919)]. In: Shapochkin, D.V. (ed.) *Politicheskiy diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy* [Political discourse in the paradigm of research]. Tyumen: Vektor Buk.

Shuldyakov, V.A. (2004) *Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska. 1917–1920* [The death of the Siberian Cossack Army 1917–1920]. Vol.1. Moscow: Tsentrpoligraf.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Shevelev Dmitry – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Конев Кирилл Александрович – аспирант исторического факультета, сотрудник Научной библиотеки Томского государственного университета.

Konev Kirill – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru